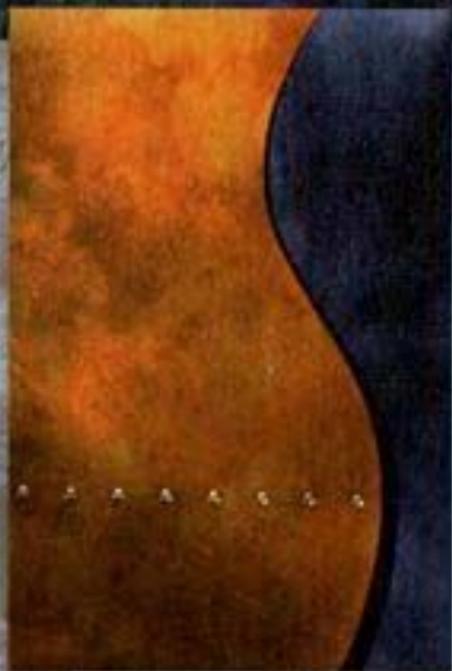

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Сiesta вqбоем

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар

Местечко, которое называется Кидберг

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155988

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). Кроме наиболее характерных для автора рассказов, написанных в разные годы, в настоящем издании также представлена его знаменитая пьеса «Прощай, Робинзон!»

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Эллой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар

Местечко, которое называется Киндберг

Киндберг, странное название, взять и перевести, не мудрствуя – детская горка, а что если – добрая, приветливая? Впрочем, какая разница, место и место, куда приезжаешь поздним вечером прямо из ливня, который бешено фыркает, лупит по ветровому стеклу; старый отель с широкими, уходящими вглубь галереями, где все устроено так, чтобы разом забыть, что снаружи по-прежнему льет, скребется, стучит, словом, место, где можно переодеться, укрыться от непогоды, от всего, а вот и суп в большой серебряной супнице, белое сухое вино, ты ломаешь хлеб и первой кусок – Лине, она держит его на ладошке, точно щедрый дар – так оно, отчасти, и есть – и вдруг, пойдя – пойми, дует на него, но до чего красиво вздрагивает и чуть отлетает вверх челка Лины и это дуновение с руки, с хлеба, будто приподнимает занавес крохотного театра, и Марсело сможет наконец увидеть выбежавшие на сцену мысли Лины, образы и воспоминания Лины, которая жадно глотает душистый суп, сияя счастливой улыбкой.

Но нет, на чистом, почти детском лбу Лины – ни складки, и поначалу лишь голос роняет крупинки ее сути, позволяет

увидеть Лину в первом приближении: да, она – чилийка, а то что все время мурлычет – известная тема Арчи Шеппа ¹, ногти, слегка обкусанные, но удивительно почему такие чистые при том, что все на ней мятое, грязное от автостопа, от ночевок на фермах, в сараях и других пристанищах молодежи. Ха, молодежь, смеется Лина, схлебывая с ложки суп, точно голодный медвежонок, да ты наверняка мало что о ней знаешь – она, эта молодежь закаменела, ходячие трупы, поверь, как в том ужастике Ромеро ².

Марсело едва удержался, чтобы не спросить, кто такой Ромеро, слыхом не слыхивал, да ладно, пусть себе болтает, как удивительно встретиться вдруг с этим восторгом от горячей еды, с радостью от комнаты, где ждет, потрескивая, горящий камин, словом от всего, что может вместить в себя этот пузырек буржуазного довольства, доступный для клиентов с тугими бумажниками; а дождь, он разлетается брызгами, ударяясь об этот пузырек, точь в точь как под вечер, в сумерках, он ударялся о молочное-белое лицо Лины, стоявшей у края дороги, рядом с лесом, что за нелепое место для автостопа? – почему нелепое, ведь повезло, ну-ка ешь, медвежонок, еще супчика, смотри, как бы не заболеть ангиной, волосы еще мокрые, но камин ждет, весело потрескивая там, в комнате с

¹ Арчи Шепп (род. в 1937 г.) – видный американский джазовый композитор-авангардист и саксофонист.

² Ромеро, Джордж (р. 1940) – американский кинорежиссер, сценарист и оператор, создатель фильмов ужасов.

огромной широченной кроватью в стиле ампир, с зеркалами до полу, с резными старинными столиками, бахромой, тяжелыми шторами, так зачем ты стояла там под таким ливнем, ну-ка скажи, скажи, твоя мама всыпала бы тебе по первое число.

Ходячие трупы, повторяет Лина, путешествовать надо в одиночку, дождь, конечно, не подарок, но в таком плаще не промокнешь, правда, разве что волосы и ноги немного, ну в случае чего – таблетка аспирина. А меж тем опустевшая хлебница снова полна верхом, и медвежонок лихо расправляется с хрустящими ломтиками, масло – мечта, а ты что делаешь? Почему катаешься в такой роскошной машине, а почему ты, а-а, ты – аргентинец! И в один голос – да, вот он случай, не подкачал, надо же, не остановись Марсело за восемь километров до того – промочить горло у придорожного кафе, эта зверюшка сидела бы сейчас в другой машине или бы торчала в лесу под дождем, кто я? – агент по продаже прессованных панелей, ну да, без конца в разъездах, а сейчас надо провернуть сразу два дела. Лина слушает сосредоточенно – что такое прессованные панели, разумеется, малоинтересная тема, но куда деваться, не врать же, что ты – укротитель зверей или кинорежиссер, или чего там – Пол Маккартни, соль, пожалуйста. Поразительно, как она вдруг резка в движениях – не то птица, не то кузнечик, нет, она – лесной медвежонок, пляшущая челка, и все время этот мотив Арчи Шеппа, та-ра-ра, у тебя есть его пластинки, то есть

как, а-а, ну понятно. Понятно, усмехается про себя Марсело, выходит, у него не должно быть пластинок Арчи Шеппа, но самое смешное, что они у него есть и временами он их слушает с Марлен в Брюсселе, вот так, только не способен сжиться с ними, как Лина, которая начинает мурлыкать Арчи Шеппа чуть ли не после каждого глотка, и ее сияющая улыбка – все разом: и free jazz ³, и кусочки сочного гуляша, автостоп, промокшая зверюшка, медвежонок, та-ра-ра, никогда так не везло, ты – молодчина, добрый. Да, молодчина и не промах, Марсело напевает любимую мелодию, но мяч вне игры, это – аккордеон, она-то – другое поколение, старина, она – девочка-медвежонок, Шепп, а не танго, че!

И томительно-сладко щекочет где-то внутри с той самой минуты, когда они свернули в Киндберг и оставили машину в огромном старом ангаре, старуха освещает им дорогу каким-то допотопным фонарем, Марсело – чемодан и портфель, Лина – рюкзак и хлюпающие кеды, приглашение на ужин принято еще в машине, посидим – поболтаем; дождь, как из пулемета, какой смысл ехать на ночь глядя, давай остановимся в этом Киндберге, поужинаем, – о, спасибо, ну просто здорово! ты пообсохнешь, и лучше остаться здесь до утра, «пусть льет, пусть льет, наш зайчишка переждет», о, конечно, а потом стоянка, гулкие готические галереи, веду-

³ Свободный джаз (*англ.*) – стиль современного джаза 60-х гг., связанный с радикальными изменениями в области формы, ритма, мелодики и техники импровизации.

щие к холлу, как тепло в этом отеле, вот красота! Последняя капелька на челке, рюкзак через плечо, лесной медвежонок, герл-скаут с добрым дядюшкой, я возьму номера сейчас – хоть немного обсохнешь до ужина. И опять эти горячие иголки внизу легким спазмом, а Лина вскидывает глаза сквозь челку – номера? чего ради? бери один на двоих. Он смотрит в сторону и снова тянет, екает внизу, расприятно-неприятно, ну и ну, тогда – чудо, тебе везет, старина, значит, еще одна в твоей жизни, значит – эта зверюшка, она – очень и очень! Марсело настороженно следит за Линой, а она спиной к нему вытаскивает из рюкзака другие джинсы, черный свитер и без умолку болтает – вот это камин! слышь, какой пахучий огонь, меж тем он перерывает весь чемодан, отыскивая аспирин среди витаминов, дезодорантов и лосьонов для бритья. И куда ты собралась ехать? не знаю, у меня есть письмо для одних ребят, хиппи, они в Копенгагене, и рисунки, мне их дала Сесилия в Сантьяго, ребята, сказала, отличные, Лина небрежно развешивает мокрую одежду прямо на шелковую ширму и вытряхивает рюкзак – надо видеть! – на столик времен Франца Иосифа, с позолотой и арабесками: Джеймс Болдуин ⁴, пуговицы, темные очки, картонные коробочки, Пабло Неруда, прокладки, карта Германии, ой, умираю от голода, Марсело, мне нравится твое имя, – звучит, ну зверски хочу есть! Так пошли, малышка, душ, считай уже

⁴ Джеймс Болдуин (1924 – 1987) – американский писатель негритянского происхождения.

принят, а порядок в рюкзаке наведешь потом. Лина резко подымает голову и в упор смотрит на него – я никогда не навожу порядка, с какой стати, рюкзак, он как я, как это путешествие, как политика, все попеременно, вверх тормашками. Вот со-плюха, ахает про себя Марсело, и по-прежнему щекотно тянет внизу (аспирин пусть примет перед кофе, так лучше), но все этот словесный мусор, «малышка», «мыслимо ли разъезжать вот так одной?», за супом она рассмеялась: молодежь, ходячие трупы, как в этом ужастике Ромеро. И вкусный гуляш, и тепло, и веселый смех Лины, и вино – от всего этого в животе вместо щекотного покалывания нарастает ощущение, похожее на радостный покой, да пусть себе несет свою чепуху, пусть толкует о своих взглядах на мир, которыми он и сам забивал себе когда-то голову, а впрочем, стоит ли вспоминать – забылось, пусть смотрит на него из-под занавеса-челочки, вдруг задумчивая, озабоченная и следом – та-ра-ра, Шепп, как тут хорошо, знаешь, на мне уже все высохло, а под Авиньоном я целых пять часов прождала попутную машину, ветрище жуткий, крыши срывало с домов, на моих глазах, веришь – не веришь, птица разбилась о дерево и упала, как тряпочная, перец, пожалуйста!

Значит ты, (уносят пустое блюдо) думаешь вот таким манером попасть в Данию, а хоть какие-то деньги у тебя есть? Конечно, поеду, доберусь, а ты разве не любишь салата? Тогда подвинь его мне, – ем, не наемся. Она забавно наворачивает на вилку листья и жует старательно вместе с темой Шепп

па, а временами – пф! – лопается маленький серебристый пузырек в уголке влажного рта, очень красивый рот, твердо очерченный, такой как надо, прямо с картин мастеров Возрождения, прошлая осень с Марлен во Флоренции, вспомни эти рты, которые так любили рисовать гениальные мужеложцы, рты с чувственным изломом, загадочные и так далее, надо же, как ударил в голову этот рислинг семьдесят четвертого года под звуки голоса Лины, а медвежонок говорит и говорит, уплетая с аппетитом все, что на столе, и Шепп, непостижимо, как я окончила философский в Сантьяго, мне еще читать – не перечитать, вот теперь и возьмусь за книги. Ишь ты, бедная зверюшка, столько радости от салата и Спинозы, которого собралась поглотить за шесть месяцев вместе с Алленом Гинсбергом⁵ и Арчи Шеппом; интересно, что она еще успеет выложить из этой модной муры, пока принесут кофе, (не забыть про аспирин, вот соплюха, еще, не приведи Бог, разболеется, дождь всю перещупал там, у леса). А меж тем с последними кусочками гуляша и неизменным Арчи Шеппом что-то понемногу сдвигалось, какой-то новый поворот, слова вроде те же, Спиноза, Копенгаген, но – все иначе. Лина, которая ломает хлеб, пьет вино, смотрит довольными глазами, она далеко и близко, что-то в ней переменялось в эти ночные часы, хотя слова «далеко» и «близко» – ничего не проясняют, тут – другое, тут – театр, будто Лина показывает ему вовсе не себя, тогда что же, ну скажи, скажи?

⁵ Аллен Гинеберг (1926 – 1997) – американский поэт.

Два тоненьких кусочка швейцарского сыра, почему ты не ешь, Марсело, такая вкуснятина, по-моему ты вообще ничего не ешь, надо же, такой солидный, настоящий сеньор, правда? И все куришь-ишь-ишь. Ишь! Даже не притронулся, может еще немного вина, ну немного, неужели нет, с таким обалденным сыром, не оставляй этот кусочек, запей вином. Еще хлеб, пожалуйста, с ума сойти, сколько умяла хлеба, и представь, говорят, что я склонна к полноте, вот что слышишь, да, есть животик, ну и что, что незаметно, Шепп!

Нечего ждать, что она заговорит наконец о чем-то глубоком, и, собственно, к чему; (ты ведь такой солидный человек, настоящий сеньор, да?) каким зачарованным и вместе с тем нацеленным взглядом следит этот медвежонок за столиком на колесах, уставленном сладостями: пирожные, взбитые сливки, фрукты, да, животик, ее пугают – расплывешься, sic! – вон то, где побольше крема, а чем тебе не нравится Копенгаген, Марсело? Но Марсело этого не говорил, просто какой смысл мотаться по дорогам столько времени, да в непогоду, да еще набитый рюкзак, а там, в Копенгагене – скорее всего! – обнаружить, что твои хиппи уже колесят по Калифорнии, эх ты, неужели не понял, что мне без разницы, я же сказала, что совсем их не знаю, просто везу им из Сантьяго рисунки, которые дала Сесилия и Маркос и еще пластинку «Mothers of invention»⁶, интересно, есть тут проигрыватель,

⁶ «Mothers of invention» (англ. – «Изобретательные мамы») – американская рок-группа 60-ых годов.

ты бы послушал, хм, удумала – в такой час, в Киндберге, ладно бы цыганские скрипки, но твои мамыши, Лина прыскает, весь рот в креме, под черным свитером теплый животик, теперь оба заливаются смехом, вообразив вой этих мамаш в благопристойном Киндберге и лицо хозяина отеля, ха-ха, и опять горячие волны внизу, вместо тех щекотных иголочек, и вопрос самому себе, а вдруг с ней не так-то просто, может в результате возникнет посреди постели легендарный меч, допустим, подушка валиком, и каждый – на своей половине, современный нравственный заслон, вариант средневекового меча, Шепп-чхи! Так и знал, уже чихаешь, прими-ка аспирин, уже несут кофе, сейчас попросим коньяку, с ним аспирин действует сразу, я это знаю из авторитетных источников. Все-таки странно: он же не говорил, что ему не нравится Копенгаген, но, похоже, эта девочка улавливает в тоне то, чего нет в словах, как он сам, когда мальчишкой в двенадцать лет влюбился в учительницу, слова были ничто в сравнении с ее воркующим голосом, от которого исходило столько тепла – пусть укроет, погладит по волосам, потом, спустя годы на сеансе у психоаналитика, тоска? да в порядке вещей, обычная ностальгия по материнскому лону, все, дорогой, изначально плавает в водах, читайте Библию, надо же, за пятьдесят тысяч песо избавиться от головокружений, а теперь эта малявка вынимает его нутро по кускам, Шепп-чхи, еще бы, кто же глотает таблетки без воды, запросто застрянут в горле, глупышка. А она, старательно помешивая кофе, вдруг за-

глядывает ему в глаза почти искательно, хм, если вздумала надо мной посмеяться, тебе не сдобровать, нет-нет, кроме шуток, Марсело, мне нравится, когда ты становишься таким вот доктором, заботливым папашей, не сердись, я вечно ляпаю, что попало, ну не сердись, да кто сердится, с чего ты взяла, глупенькая, нет, ты рассердился немножко за доктора и папочку, но поверь, я имею в виду совсем другое, правда, ты такой хороший, милый, когда говоришь про аспирин, подумать! – отыскал, принес, не забыл, а у меня из головы вон, Шепп, видишь как вовремя, но если честно, мне чуточку смешно, когда ты держишься со мной этаким доктором, не обижайся, прошу, кофе с коньяком – прелесть, спать буду, как убитая, ну да, с семи утра в дороге, – не веришь? – три легковых и грузовик, нет, грех жаловаться, разве что гроза напоследок, но зато – Марсело, Киндберг, коньяк, та-ра, Шепп. Ладонка, перевернутая кверху, доверчиво затихла на скатерти среди крошек, когда Марсело осторожно погладил ее; да нет, он не в обиде, он чувствует, как тронута Лина его вниманием, по сути пустяшным, подумаешь – вытащил таблетки аспирина из своего кармана, да еще в придачу наставительно – побольше воды, а то застрянет, лучше перед кофе с коньяком; вот так неожиданно-негаданно – друзья, правда? А в комнате, наверно, совсем тепло и горничная откинула угол одеяла, как, должно быть, водится в Киндберге, – старинный знак гостеприимства, «добро пожаловать» усталым путникам, глупым медвежатам, готовым мокнуть до самого Ко-

пенгагена, чтобы потом, да тьфу на это потом, Марсело, я же сказала – не хочу связывать себя ничем, не желаю-лаю-лаю, Копенгаген, он, как мужчина, встретились и разошлись (а-а-а!), день жизни, я вообще не верю в будущее, дома все талдычат о будущем, меня уже с души воротит от этого будущего, так и у него, один к одному: дядюшка Ро-берто все лаской, лаской, а затиранил Марселито, такая кроха и без отца, надо думать о завтрашнем дне, сынок, а потом дядина пенсия – смех и слезы, и его речи, «в первую очередь нам надо сильное правительство», «у нынешней молодежи ветер в голове, вот мы в их годы, черт возьми...»; его рука по-прежнему на Лениной ладошке, с чего это он так размяк и так остро вспомнился Буэнос-Айрес тридцатых-сороковых годов? не дури, старина, ведь Копенгаген лучше, куда лучше Копенгаген, и хиппи и дождь у леса, ха, но он же никогда не ездил автостопом, считай – никогда, пару раз до университета, а после завелись деньжата, какие никакие, но хватало и на костюмчик от хорошего портного, и все же могло выйти в тот раз, когда ребята, вспомни, всей компашкой задумали плыть на паруснике до Роттердама, три месяца, заходы в порт, погрузки и всего шестьсот песо, не больше, иногда помочь команде, то се, зато встряхнемся, проветримся, какой разговор, – плывем, кафе «Руби» на Онсе ⁷, конечно, Монито, шесть сотен, легко сказать, когда деньги так и летят – сигареты, девочки, разговоры о паруснике кончились сами собой, отпали, думай

⁷ Онсе – торговая улица Буэнос-Айреса с дешевыми магазинчиками.

о завтрашнем дне, сынок, та-ра-ра, Шепп-чхи! Ага, опять, иди, Лина, отдыхай! Сейчас, милый доктор, еще минуточку, видишь коньяк на донышке, теплый, попробуй, правда, теплый? Что-то он, видимо, сказал вслух, – но что именно? – пока перед глазами стоял забытый «Руби», потому что Лина снова уловила, угадала в его голосе, все, что стояло за этими дурацкими фразами – прими аспирин, иди отдохни, или – дался тебе этот Копенгаген! И впрямь, теперь, когда белая и горячая ладонь Лины лежит в его руке, все может стать Копенгагеном, все тогда могло обернуться парусником, если бы не эти шестьсот песо, если бы побольше пороху и романтики. И Лина вскинула на него глаза, но тут же опустила, будто его мысли – жалкий мусор времени! – лежали прямо на столе, среди крошек, будто он успел все это сказать, а не долбил, как законченный идиот, иди, тебе надо отдохнуть, не хватило духу на вполне логичное – идем отдыхать, мы, во множественном числе, а Лина, облизывая губы, вспоминала о каких-то лошадях (может, о коровах, он поймал лишь конец фразы) нет, о лошадях, которые пронеслись через поле, словно с перепугу, две белые и одна рыжая, в усадьбе у дяди, ой, ты не представляешь, какое это чудо – скакать верхом против ветра допоздна, возвращаешься усталая до чертиков, и, конечно, ахи-охи, хуже мальчишки! Ну сейчас, вот допыю и все, она смотрится в него всей рассыпавшейся челкой, точно еще скачет галопом, втягивая носом воздух, такой крепкий коньяк; да ну, стоит ли ломать голову, что он последний

дурак что ли, разве не она хлюпала кедами по темной галерее, не она улыбалась во все лицо – два номера? чего ради? бери один на двоих, вполне обдуманная экономия, ей-то наперед все известно, привыкла, ждет такого финала каждый раз, а вдруг все наоборот? ведь явно что-то не то, вдруг под конец этот пресловутый меч, или – пожалуйста, вон диванчик в углу, а-а, ладно, он же не последний хам, возьми шарф, малышка; в жизни не видела такой широченной лестницы, наверняка это был дворец и здесь жили важные графы, которые устраивали балы при свечах и всякое такое, а двери, ух ты, посмотри, да эта наша, умереть – уснуть, как разрисована – олени, пастушки, завитушки! И огонь – алые, рвущиеся вверх саламандры и огромная раскрытая постель ослепительной свежести и глухие шторы на окнах, ну как здорово, Марсело, тут спать и спать, дай я сначала покажу тебе пластинку, она в таком красивом конверте, им понравится, она на дне, где письма и карты, не потерять бы, Шепп. Ты и впрямь простудилась, завтра покажешь, раздевайся скорее, я погашу лампу, и будем смотреть на камин, о конечно, Марсело, какие яркие угли – миллион кошачьих глаз разом, а искры, искры, ну погляди, до чего красиво в темноте, хоть не ложись, но он вешает пиджак на стул, подходит к медвежонку, свернувшемуся у самого камина, сбрасывает туфли, сгибается чуть не пополам, чтобы сесть рядом, смотрит, как бегут по ее рассыпанным волосам отсветы и дроглые тени, помогает снять блузку и расстегнуть лифчик, губы вминаются в

ее голое плечо, руки все настойчивее, смелее среди роя искр, ах ты, лесной медвежонок, такая глупышка маленькая; они уже стоят обнявшись и целуются голые в бликах пламени, еще и еще, какая прохладная белоснежная постель, а дальше – обвал, сплошной огонь, разбегающийся по всей коже, Линыны губы в его волосах, на его груди, руки под его спиной, тела в согласном ритме познают, понимают друг друга, и легкий стон и запаленное дыхание, но ему бы сказать, он хотел еще до огня, до забытья, сказать – Липа, это не из благодарности, правда? И руки рванулись из под спины двумя хлыстами прямо к его лицу, к горлу – яростные, маленькие, беззащитные, невыносимо нежные, они стискивают, сжимают что есть силы, громкий всхлип, негодующий голос сквозь слезы – как ты мог, Марсело, как ты мог, и тогда, ну все, значит – да, значит – правда, ну прости, радость, прости, сладкая, я не мог не сказать, прости, взметнувшийся огонь, губы, розовые края ласки, хрупкий пузырек в углу рта, ступени познания и наконец провальная тишина, где медленно струящиеся волосы, горячая кожа, взмах ресниц, отказ и настойчивость, минеральная вода прямо из горлышка, к которому приникают в единой жажде его, ее губы, пустая бутылка выскальзывает из пальцев, которые на ощупь находят ночной столик, зажигают лампу и взмах рукой, чтобы прикрыть абажур трусиками или чем-то еще, а потом неотрывно смотреть на Лину под золотистым светом лежащую на боку, спиной к нему, на этого лесного зверька, уткнувшегося в просты-

ни, какая кожа – обалдеть, а Лина уже просит сигарету, приподнимаясь в подушках, да ты худющий и весь волосатый, Шепп, дай-ка я тебя прикрою одеялом, где оно? Вон в ногах, слушай, по-моему, оно подпалилось, а мы и не заметили, Шепп!

Потом ленивое, сникающее пламя в камине и в их телах, оно опадает, золотится, вода уже выпита, сигареты, лекции в университете, да ну их, сдохнуть от скуки, не веришь, все самое интересное я узнала из разговоров в кафе, или с Сесилией, с Перучо, или из книг – я их читаю всюду, даже в кино, перед сеансами; Марсело слушает – «Руби», в точности как «Руби» двадцать лет назад, споры-разговоры, Арльт⁸, Рильке, Элиот, Борхес, но Лина, она смогла попасть на парусник, автостопом, в «рено», в «фольксвагенах», лесной медвежонка под ворохом сухих листьев, челка в каплях дождя, но что за бред – почему в голове снова и снова этот окаянный парусник и «Руби», она же знать не знает про это, ее на свете тогда не было, подумать! чилийская девочка, соплюшка-путешественница, разъездила, Копенгаген, но все-таки почему с самого начала, с той супницы, белого вина, Лина, даже не подозревая, стала бросать ему в лицо столько всего прошлого, несбывшегося, загнанного внутрь, весь его парусник за чертовы шестьсот песо. А Лина смотрит на него полусонно, соскальзывая с подушек, вздыхает, как сытый зверек и про-

⁸ Арльт, Роберто (1900 – 1942) – аргентинский прозаик и драматург, один из любимых авторов Х. Кортасара.

тягивает к нему руки, – ты мне нравишься, такой худющий, все понимаешь – умник, Шепп, я хочу сказать, что с тобой хорошо, такие большие, сильные руки, столько всего узнал, при чем тут возраст! Стало быть, эта девочка почуяла, что он живой, несмотря на, живет и моложе ее сверстников, мертвяков из фильма этого Ромеро, но все-таки – что кроется за этой влажной челочкой-занавесом? Теперь она проваливается в сон, прикрытые глаза смотрят на него, да-да, он возьмет ее еще раз, прощаясь с ней, возьмет нежно, он чувствует ее всю, до самой глубины, слышит полусердитое: м-м, я хочу спать, Марсело, нет, не надо так, нет так, радость, так, ее тело невесомое и разом отверделое, упрямые ноги и вдруг ответная вспышка, смелый напор страсти, без удержу, и нет больше никакой Марлен в Брюсселе, нет этих женщин, похожих на него, – неторопливых, уверенных, умелых, как непривычно принимает Лина его силу и отвечает на нее, а потом в полусне, все еще на краю ветра, сквозь дождь и вскрики, его запоздало озаряет – вот он, тот самый парусник и Копенгаген, его лицо, спрятанное на лининой груди, в ложбинке, это лицо оттуда, из «Руби», из первых полуношеских ночей с Ма-бель, с Нелидой в пустой квартире у Монито, бешеные упругие захлесты, и чуть ли не следом: может прогуляемся по центру, дай мне конфетку, а ну если мама пронюхает! Значит, даже теперь, на самом пределе любви, нельзя спрятаться от зеркала, откуда глядит его прошлое, его старая фотография, где он совсем молодой, от зеркала, которое Лина,

лаская его, все время ставит перед ним, и та-ра-ра, Шепп, ну давай поспим, еще глоточек воды, пожалуйста. Будто он стал ею, будто все – сквозь нее, это же бред, это – невозвратно, невыносимо, и наконец сон в шепоте последних ласок, в махнувших по лицу волосах, всех разом, словно в ней что-то знало наперед и хотело стереть следы, чтобы он проснулся прежним Марсело, каким и проснулся в девять утра и увидел Лину: она сидела на диванчике и причесывалась, напевая, уже готовая к другой дороге, к новому дождю. Они позавтракали наскоро, почти без слов, такое солнце! А отъехав порядочно от Киндберга, он остановил машину: выпьем кофе, Лина – четыре кусочка сахара, лицо словно омытое, отрешенное, воплощение какого-то неведомого счастья, и тут: знаешь, только не сердись, скажи, что не рассердишься, да нет, глупышка, говори, не стесняйся, может, что-нибудь надо, так я... и пауза на самом краю расхожей фразы, где каждое слово уже наготове, ждет, точно деньги в бумажнике, вот оно – возьми, но в эту секунду ладонь Лины робко накрывает его руку, глаза задернуты челкой: нельзя ли проехать с ним еще чуть-чуть, пусть не по пути, неважно, побыть с ним еще немного, ведь так хорошо, пусть это продлится хотя бы до вечера, такое солнце, мы поспим в лесу, я покажу тебе пластинку и рисунки, ладно? если ты не против; и в нем все дрогнуло, какое там против, почему – против, но он медленно отводит ее руку и говорит, что нет, не стоит, ну посуди, на этом перекрестке ты сразу поймашь машину, и Лина, лес-

ной медвежонок, вся сжалась, точно ее ударили наотмашь, стала далекая-далекая, грызет сахар, наклонив лицо, и поглядывает исподлобья, как он расплывается, встает, приносит ей рюкзак, целует в волосы, поворачивается спиной и исчезает из виду, бешеное переключение скоростей – пятьдесят, восемьдесят, сто десять – вот она, свободная дорога агента по продаже, дорога, где нет Копенгагена, где в кюветах – останки прогнивших парусников, приглушенный, полузабытый говорок «Руби», все более высокие заработки и должности, а у поворота – длинная тень одинокого платана, в ствол которого он врзается на скорости сто шестьдесят, пригнув лицо к рулю, как Лина, когда она опустила голову, потому что именно так, пригнув голову, медвежата грызут сахар.